

В.Н. Мышкин, В.А. Скарбовенко

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: ИСТОРИЯ И ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Данная статья посвящена итогам исследования культуры и истории кочевых скотоводческих племен Самарского Поволжья в раннем железном веке.

Накопление материалов и первые раскопки. В первой половине 60-х годов прошлого столетия одна за другой вышли в свет две работы К.Ф.Смирнова, ставшие классикой сарматской археологии: в 1963 г., совместно с В.Г.Петренко, им был опубликован свод археологических источников «Савроматы Поволжья и Южного Приуралья» (Смирнов, Петренко, 1963), в 1964 г. – монографическое исследование «Савроматы. Ранняя история и культура сарматов» (Смирнов, 1964). В этих работах К.Ф.Смирнов включил Самарскую (Куйбышевскую) область в состав территории, где в раннем железном веке обитали племена с культурой, получившей в археологической литературе название «савроматской». Кроме того, он причислил памятники, расположенные в границах Самарского Поволжья, к самаро-уральскому варианту савроматской культуры (Смирнов, Петренко, 1963. С.6; Смирнов, 1964. С.195-196). Основанием для включения Самарского Поволжья в зону распространения самаро-уральского варианта савроматской культуры послужили случайные находки предметов эпохи раннего железа на дюнах у железнодорожной станции Марычевка в Борском районе, у с. Красный Яр, у с. Дергуновки на реке Большой Иргиз Большеглушицкого района; предметы, происходящие из кладоискательских раскопок у с. Благодаровки Борского района и с. Рысайкино Похвистневского района; материалы раскопок Куйбышевской археологической экспедиции 1952 г. у с. Комаровки Шигонского района (Смирнов, Петренко, 1963. С.14, №109-115, 120, 121). Всего на территории Самарского Поволжья К.Ф.Смирновым было учтено девять пунктов находок эпохи раннего железа, которые он счел возможным отнести к савроматской культуре (Смирнов, 1964. Рис.1). К списку К.Ф.Смирнова следует добавить оставшееся ему неизвестным впускное погребение в кургане №3 у хут. Истомина, близ железнодорожной станции Безы-

мянка в черте современной Самары, исследованное В.В.Гольмстен в 1925 г. (Васильев, 1975).

Учитывая малочисленность савроматских находок в Самарском Поволжье и их локализацию, К.Ф.Смирнов писал: «На правобережье Волги савроматские погребения прослежены сплошной полосой до Саратова, а выше по Волге, включая Самарскую Луку, они встречаются sporadически. Очевидно, на правом берегу Волги, между Саратовом и Самарской Лукой, ираноязычные кочевники не составляют основного населения, в котором следует видеть, вероятнее всего, финноязычных жителей городищ городецкой культуры. За Волгой северная граница раннего сарматского мира может быть пока очень условно проведена по р.Кинель к верховьям р.Дема...» (Смирнов, 1964. С.192).

В 1963 г., практически одновременно с работами К.Ф.Смирнова, М.Г.Мошковой был опубликован свод археологических источников «Памятники прохоровской культуры», в котором на территории Самарского Поволжья был учтен единственный пункт – случайная находка раннесарматского железного меча, обнаруженного в пределах Самарского уезда и губернии, информация о котором была почерпнута из «Записок русского археологического общества». Том VIII, 1955 год (Мошкова, 1963. С.16. Рис.1).

Среднесарматская культура на территории Самарского Поволжья к концу 60-х годов была представлена всего тремя погребальными комплексами: погребением в кургане №13 могильника Березняки на р.Малый Кинель в Кинель-Черкасском районе, исследованном В.В.Гольмстен в 1923-1924 годах; впускным разрушенным погребением в кургане №3 у хутора Истомина на реке Падовке близ железнодорожной станции Безымянки в границах современного города Самары, раскопанного В.В.Гольмстен в 1925 г. (Васильев, 1975); погребением №3 в кургане №2 у села Хрящевки, обнаруженным Н.Я.Мерпертом в 1951 г. во время охранно-спасательных раскопок в зоне строительства Куйбышевской ГЭС (Мерперт, 1954).

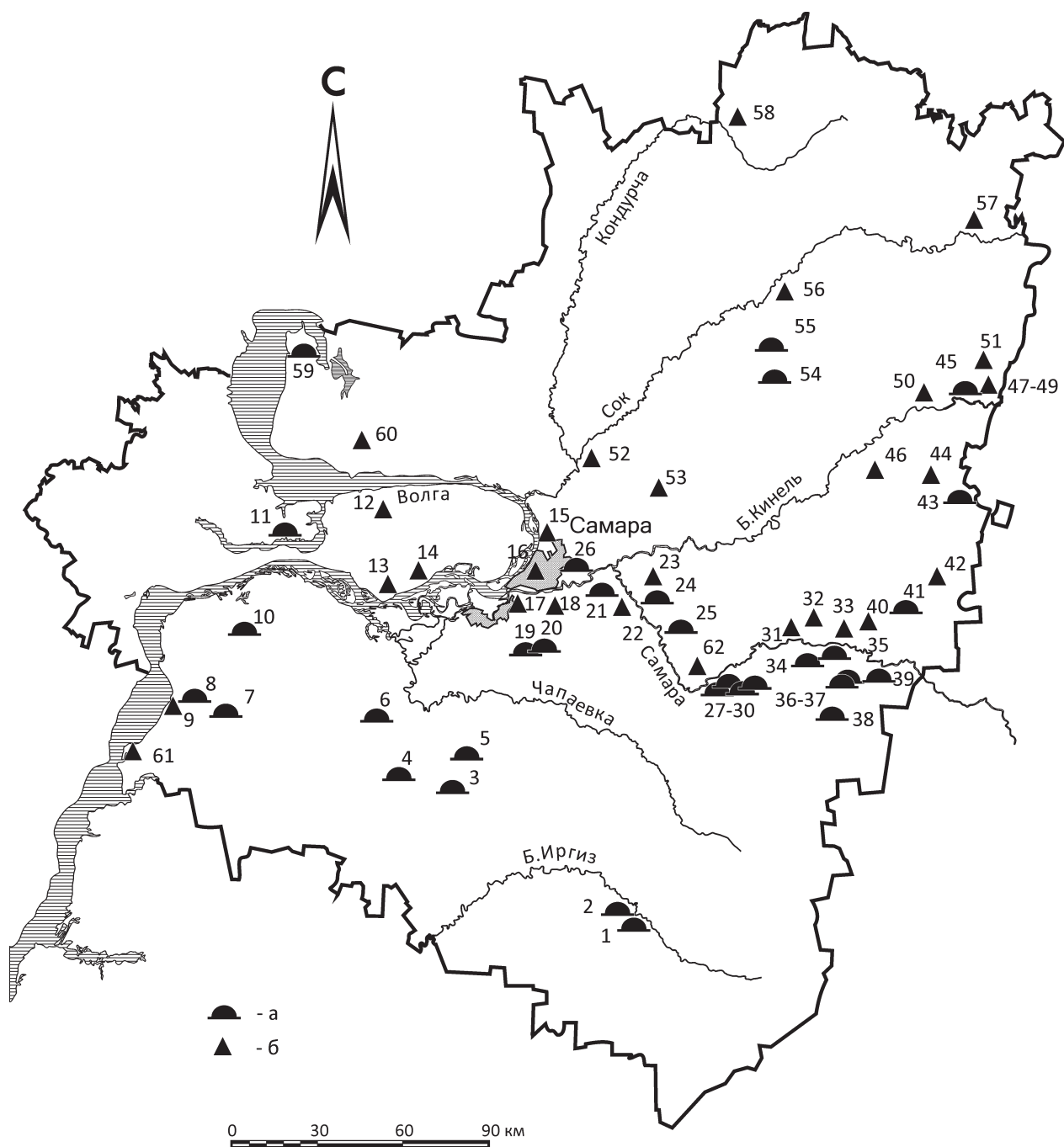

Рис. 1. Памятники ранних кочевников на территории Самарского Поволжья.

Условные обозначения: а – курганы, б – случайные находки.

1 – Журавлиха I; 2 – Тамбовка II; 3 – Кировский I; 4 – Андросовка II; 5 – Новопавловский; 6 – Осинки I; 7 – Нижнеозерецкий V; 8 – с. Спасское, «у Каширского поворота»; 9 – Приволжский район (меч); 10 – Преполовенка I; 11 – Комаровка; 12 – Самарская Лука; 13 – Лбище; 14 – Винновка; 15 – г. Самара, Студеный овраг; 16 – Самара; Постников овраг; 17 – Самара, 116 км; 18 – Рубежное; 19 – Березки I; 20 – Новоберезовский; 21 – Черновский I одиночный курган; 22 – Нур; 23 – Студенцы; 24 – Бобровка I; 25 – Красносамарский I; 26 – хут. Истомина; 27-30 – Утевские I-IV; 31 – Богатовский район; 32 – Коноваловка; 33 – Марычевка; 34 – Андреевский; 35 – Вилотоватский I; 36-37 – Гвардейцы I, II; 38 – Железный Мар; 39 – Заплавное I; 40 – Немчанка; 41 – Неприк; 42 – Петровка; 43 – Березняки; 44 – Большой Толкай; 45 – Красные Пески; 46 – Ерзовка; 47-49 – Красные Пески; 50 – Сухая речка; 51 – Рысайкино; 52 – Красный Яр; 53 – Алакаевка; 54 – Карабаевка I; 55 – Калиновский; 56 – свх. Серноводский; 57 – Камышла; 58 – Челно-Вершины; 59 – Хрящевский; 60 – Ставропольский район (меч); 61 – Давыдовка; 62 – дюна «Человечья голова».

(9, 12-15, 17-18, 23, 31, 32, 42, 44, 46-50, 53, 56-58, 60 – мечи и кинжалы, 16, 22, 40, 61, 62 – наконечники стрел; 33 – удила, меч, наконечники стрел, 51 – псалий, 52 – сосуд и клевец).

К позднесарматской культуре относился единственный известный к концу 60-х годов археологический памятник – уже упоминавшийся нами курганный могильник у пос. Березняки на р. Малый Кинель в Кинель-Черкасском районе, исследованный В.В. Гольмстен в 1923-1924 годах (Гольмстен, 1925. С.163-164; Гольмстен, 1928. С.134). Кроме того, в Самарском областном историко-краеведческом музее хранится глиняный сосуд из позднесарматского кургана, время и обстоятельства раскопок которого выяснить не удалось.

Средневожская археологическая экспедиция: полевые исследования памятников ранних кочевников в Самарском Поволжье (1970-2009 гг.). Осенью 1969 г. на территории Самарского Поволжья начала работать Средневожская археологическая экспедиция, представленная вначале полевыми исследованиями Куйбышевского, с 1991 г. Самарского государственного университета, а затем других научных и учебных учреждений, включившихся в археологическое изучение региона: с 1970 г. – областного краеведческого музея, с 1971 г. – Куйбышевского государственного педагогического института, ныне Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

В первом же полевом сезоне 1970 г. И.Б. Васильевым было исследовано впускное раннекочевническое погребение V в. до н.э. в курганном могильнике эпохи бронзы у с. Неприк Борского района, на водораздельном плато между долинами рек Самары и Кутулук (Матвеева, 1972). В том же 1970 г. Г.И. Матвеева начала раскопки крупного курганного могильника в районе села Гвардейцы Борского района, работы на котором продолжались в 1971-1972 гг. Кроме того, работы по исследованию могильника производились В.Н. Мышкиным в 1994 г. В результате были изучены двенадцать курганов ранних кочевников с погребениями, относящимся ко всем периодам их истории – от савроматского и до позднесарматского (Матвеева, Скарбовенко, 1976; Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999). В 1972-1973 гг. И.Б. Васильевым проводились раскопки курганных могильников на левобережной террасе реки Самары в окрестностях с. Утевка Нефтегорского района. В кургане №1 могильника Утевка IV были обнаружены остатки впускного захоронения савроматского времени, сопровож-

давшего уздечным украшением из клыка кабана. В кургане №2 могильника Утевка I найдено впускное детское раннесарматское погребение с южной ориентировкой костяка и бронзовым зеркалом с короткой ручкой. В кургане №3 могильника Утевка II исследовано раннесарматское погребение IV в. до н.э., в состав инвентаря которого входили круглодонный сосуд с примесью талька, две костяные ложечки, пряслице и миниатюрный сосудик. В кургане №1 могильника Утевка IV расчищены остатки разрушенного раннесарматского погребения с бронзовой кольцевидной пряжкой (Скарбовенко, 1976). В 1973 г. И.Б. Васильев исследовал группу курганных могильников на землях совхоза «Черновский» Волжского района, на левобережной террасе реки Самары. Черновский I одиночный курган содержал впускное детское погребение позднесарматской культуры (Васильев, 1973).

С середины 70-х годов интенсивность полевых работ Средневожской археологической экспедиции существенно возросла, поскольку с 1974 г. к плановым исследованиям памятников добавились охранно-спасательные раскопки в зонах хозяйственного освоения региона. В 1974-1975 гг. В.А. Скарбовенко раскопала курганный могильник раннесарматской культуры IV в. до н.э. у поселка Красные Пески Похвистневского района. Могильник находился на господствующей высоте водораздельного плато над правобережной частью долины р. Большой Кинель и состоял из двух курганов с каменными обкладками (Мышкин, Скарбовенко, 1996). В 1975 г. при проведении археологических работ в зоне строительства Куйбышевского обводнительно-оросительного канала и систем орошения сотрудниками Куйбышевского университета были исследованы три курганных могильника, в которых обнаружены погребения ранних кочевников. При раскопках могильника Андросовка II, находящегося в районе с. Андросовки Красноармейского района и располагающегося на краю водораздельного плато, над правобережной частью долины реки Чагры, В.А. Скарбовенко исследовала раннесарматское погребение в кургане №2 (Скарбовенко, 1975). Впускное погребение среднесарматской культуры открыто Р.С. Багаутдиновым в Безенчукском районе, при исследовании кургана №4 могильника Преполовенка I, расположенного на первой надпойменной левобережной террасе реки Чагры.

бережной террасе реки Волги (Багаутдинов, Пятых, 1987). В этом же районе Г.Г. Пятых частично раскопал курганный могильник Осинки I. Два кургана (№11 и №17) из числа изученных были оставлены поздними сарматами (Мирошина, Пятых, 1988).

В 1975 г. Г.И. Матвеева начала изучение курганного могильника, расположенного на левобережной террасе реки Самары около с. Андреевка Богатовского района. В одном из курганов эпохи бронзы она исследовала впускное погребение второй половины VI в. до н.э. В могиле были найдены бронзовое зеркало ольвийского типа, золотая нашивная бляха с изображением горного козла, небольшое овальное каменное блюдо и другие предметы (Матвеева, 2006). В 1977 г. работы на Андреевском могильнике продолжил И.Б. Васильев. Он раскопал пять погребений позднесарматской культуры и одно – среднесарматской (Васильев, Скарбовенко, 1982). В том же 1977 г., продолжая обследование долины реки Самары, И.Б. Васильев обнаружил впускное раннесарматское погребение IV в. до н.э. в кургане №1 Красносамарского I курганного могильника, расположенного на правобережной террасе р. Самары в Кинельском районе (Мышкин, Скарбовенко, 1996). Кроме того, он исследовал четыре раннесарматских и три позднесарматских погребения в курганах №1, 4, 6, 8, 15 могильника на южной окраине с. Виловатое Богатовского района, в левобережной части долины р. Самары. В 1986 г. работы на Виловатовском могильнике были продолжены В.Н. Мышкиным, исследовавшим еще пять курганов с погребениями раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской культур (Мышкин, 1992).

В 1975-1977 гг. сотрудники КГУ проводили охранно-спасательные раскопки в зоне строительства системы орошения в междуречье Чагры и Чапаевки на землях совхоза им. Кирова в Красноармейском районе. В 1976-1977 гг. В.А. Скарбовенко были исследованы курганы №9 и 10 в могильнике у пос. Новопавловка. Первый из них содержал погребения савроматского времени, второй – два погребения раннесарматского времени с круглодонной тальковой керамикой IV в. до н. э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996). В 1977 г. Р.С. Багаутдинов исследовал впускное раннесарматское погребение IV в. до н.э. в кургане №9 Кировского I курганного могильника, содержавшее

в составе инвентаря сосуд с носиком-сливом, акинак с когтевидным навершием, набор наконечников стрел и изделие из клыка кабана, оформленное в зооморфном стиле (Мышкин, Скарбовенко, 1996).

Во второй половине 70-х – начале 80-х годов на территории Приволжского района строилась Спасская оросительная система, в зоне которой проводились охранно-спасательные раскопки. В 1979 г. С.А. Агапов раскопал одиночный курган, расположенный в 6 км к северо-востоку от с. Спасского, у развилки шоссе на с. Обшаровка – с. Приволжье и с. Обшаровка – с. Кашпир. Памятник получил название одиночного кургана у Кашпирского поворота. В его насыпи было найдено бронзовое зеркало ольвийского типа и кожаный мешочек с веществом черного цвета внутри (Мышкин, Скарбовенко, 1996). В 1982 г. В.А. Скарбовенко производила охранно-спасательные раскопки курганного могильника Нижнеозерецкий V в районе одноименного поселка и в кургане №2 обнаружила четыре погребения раннесарматской культуры III-I вв. до н. э.

В 1986 г. М.А. Турецкий открыл впускное раннесарматское погребение в кургане №2 могильника Тамбовка II, расположенном на левобережье реки Большой Иргиз в Большеглушицком районе. В нем обнаружены два погребенных в сопровождении комплекта втульчатых бронзовых и железных наконечников стрел, меча с серповидным навершием, круглодонного сосуда с орнаментом в виде пучков вертикальных линий, колчаный крючок и некоторые другие вещи. С погребением была связана досыпка кургана, около курганный ровик и жертвенное место (Мышкин, Скарбовенко, 1996).

В 1996 г. А.И. Крамарев и В.Н. Мышкин исследовали два кургана в могильнике Гвардейцы II Борского района, расположенном на вершине возвышенности «Хмырова шишка» южнее могильника Гвардейцы I. В кургане 2 ими были обнаружены два погребения, предположительно, раннесарматской культуры (Крамарев, Мышкин, Турецкий, 2002).

В 1996-1997 гг. В.А. Скарбовенко производились охранно-спасательные раскопки курганного могильника Березки I на территории Волжского района, в зоне строительства обводной дороги вокруг г. Самары. Могильник располагается на

водораздельном плато между долинами рек Самары и Чапаевки в районе дачного пос. Березки. Из шести раскопанных курганов четыре были возведены ранними кочевниками. Представляют большой интерес погребальные конструкции этих курганов, возведенные с использованием сырцового кирпича. Для погребального инвентаря могильника характерно сочетание савроматских и раннесарматских типов вещей в рамках одного комплекса (Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 2000; Скарбовенко, 2005). В 1998 г. В.Н. Мышкин раскопал курган у пос. Новоберезовский Волжского района, находившийся неподалеку от могильника Березки I и близкий к последнему по некоторым деталям обряда, в частности, по использованию сырцового кирпича и большой роли огня в погребальном ритуале (Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 2000). Значительную серию погребений ранних кочевников дали раскопки кургана №1 могильника Журавлиха I в бассейне реки Большого Иргиза на территории Большеглушицкого района, предпринятые П.Ф. Кузнецовым в 1998 г. В кургане были обнаружены одно предположительно савроматское и тринадцать раннесарматских погребений (Кузнецов, Мышкин, 2003). В 2000 г. В.А. Скарбовенко исследовала курганный могильник Бобровка I в Кинельском районе, находившийся на второй правобережной террасе реки Самары. При раскопках кургана 2 обнаружены два впускных погребения ранних кочевников: савроматское и раннесарматское (Скарбовенко, 2000). В 2002 г. в процессе раскопок кургана 1 могильника Заплавное I были выявлены два раннесарматских погребения, которые производились в зоне реконструкции автодороги с. Заплавное – с. Мойка на территории Борского района. Одно из них может быть датировано временем не позднее начала IV в. до н.э. по находке железного меча с перекрестием в виде узкой бабочки (Скарбовенко, 2002). В 2008 г. археологическая экспедиция СГПУ при проведении охранно-спасательных раскопок курганного могильника Карабаевка I в междуречье Сока и Большого Кинеля на территории Сергиевского района открыла в кургане 1 два раннесарматских погребения IV в. до н.э. (Мышкин, 2009).

Таким образом, за 40 лет работ Средневолжской археологической экспедиции на территории Самарского Поволжья были выявлены погреб-

альные памятники ранних кочевников, время сооружения которых укладывается в хронологические рамки от второй половины VI в. до н.э. до IV в. н.э. включительно. Распределение памятников в соответствии с культурной атрибуцией дает следующую картину. Известно сравнительно небольшое количество погребальных комплексов савроматского времени. Число раннесарматских памятников резко увеличивается, материалы этого периода в количественном отношении являются наиболее представительными. Для среднесарматского времени фиксируется уменьшение количества погребений, для позднесарматского времени – некоторое их увеличение.

Следует отметить неравномерность исследования различных районов Самарского Поволжья. Кочевнические памятники сосредоточены, в основном, в бассейне р. Самары. Отдельные комплексы открыты в долинах рек Волга, Большой Иргиз, Чагра и на водоразделе Чагры и Чапаевки. Наиболее северные пункты, где были сделаны находки вещей, расположены в бассейнах рек Сок и Кондурча. На правом берегу Волги исследовано одно погребение и обнаружены отдельные вещи, преимущественно мечи и кинжалы. Наименее изученными остались юго-восточные районы Самарского Поволжья, представляющие собой степи Каменного и Среднего Сыртов в месте их перехода в Общий Сырт.

Обзор памятников ранних кочевников, исследованных на территории Самарского Поволжья. Савроматский период в истории ранних кочевников, обитавших в Самарском Поволжье, представлен двенадцатью погребальными комплексами. К ним относятся: курган «Железный Мар» у с. Благодаровки, раскопки кладоискателей 1889 г.; погребение 1 в кургане 3 у хутора Истомина; курган у села Рысайкино, раскопанный в 1932 г. крестьянами; погребение 8 в кургане 1 могильника Утевка IV; погребение 1 в кургане 5 могильника Комаровка; погребение 3 в кургане 4 могильника Неприк; погребение 2 в кургане 2 могильника Андреевка; погребение в кургане 9 могильника Новопавловка; комплекс в насыпи одиночного кургана у Кашпирского поворота; погребение 3 в кургане 25 могильника Гвардейцы I; погребение 3 в кургане 2 могильника Бобровка I; вероятно, погребение 15 в кургане 1 могильника Журавлиха I; курган 2 Новоберезовского могильника.

Погребения савроматского времени, как правило, одиночные и являются впускными в курганы эпохи бронзы. Погребения разбросаны по территории Самарского Поволжья от водораздела рек Сок и Большой Кинель, на севере, до реки Большой Иргиз, на юге.

Наиболее ранние из погребений датируются второй половиной VI в. до н. э., возможно, его концом – Андреевка, к.2, п.2; курган у Кашпирского поворота; курган у с. Рысайкино. Для погребений второй половины VI в. до н.э. характерно присутствие в составе сопровождавшего их инвентаря предметов, имеющих западное, причерноморское происхождение. В погребении у с. Андреевки и в кургане у Кашпирского поворота найдены бронзовые зеркала ольвийского типа: в первом – с фигуркой пантеры, во втором – со скульптурной головкой барана на конце ручки. В андреевском погребении вместе с зеркалом обнаружена золотая нашивная овальная бляха с изображением горного козла. Изобразительный сюжет – «одиночная фигура козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой», до сих пор в савроматском искусстве не встречался. Не получил он распространения и в восточной части скифо-сибирского культурного мира. Однако этот сюжет стабильно присутствует на скифских предметах архаического периода в западной части скифо-сибирского мира. Он появляется там уже в конце VII в. до н.э. Укажем в качестве примеров изображения в виде козлов на ножнах меча из кургана у хут. Шумейко 1899 г. (Ильинская, 1968. С.43), на золотой обкладке перекрестья меча из Литого кургана 1763 г. (Придик, 1911. Т.1, III, 2), на обушке парадной секиры из кургана 1 Келермесского могильника (Ильинская, Тереножкин, 1983. С.57), на золотых бляшках из Витовой могилы (Граков, 1971. Таб. XX), на бронзовом навершии из кургана у аула Ульского (Граков, 1971. Таб. XVII), на вотивном бронзовом акинаке из Меджидии (Мелюкова, 1976. Рис. 2, 1). Скифское происхождение имеет и форма трехдырчатого костяного псалия VI в. до н.э. из кургана у села Рысайкино, один конец которого оформлен в виде головы барано-грифона, другой – в виде копыта лошади (Смирнов, 1961. С.81).

Среди погребений ранних кочевников, обитавших на территории Самарского Поволжья в V в. до н.э., следует выделить погребение из кургана 9 могильника Новопавловка, в котором

обнаружен высокий узкогорлый кувшинообразный сосуд типа, распространенного в «сакских» (в широком смысле) комплексах Приаралья, Алтая, Тувы, а среди савроматских памятников – встреченного в Аландском I и III курганных могильниках конца VI–V и V вв. до н.э. на северо-востоке Оренбуржья (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С.198).

Кроме погребальных комплексов на территории Самарского Поволжья известно не менее пятнадцати пунктов случайных находок, датирующихся второй половиной VII – V вв. до н.э. Некоторые находки датированы временем в пределах V–IV вв. до н.э. К.Ф. Смирнов опубликовал многие из этих предметов, в частности бронзовый клевец из окрестностей села Красный Яр, найденный в 1865 г. (Смирнов, 1961. С.74, 144. Рис. 42, 1); коллекцию предметов, собранных в 1907 г. М.А. Миллером на дюне у станции Марычевки Борского района – железный акинак VI в. до н.э. (Смирнов, 1961. С.101. Рис. 1, 10), бронзовые удила второй половины VII в. до н.э. (Смирнов, 1961. С.78, 145. Рис. 43, 6), бронзовые наконечники стрел V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С.161. Рис. 20, B1–5; С.78, 135. Рис. 33, B1–3); бронзовый наконечник стрелы из коллекции №201, хранящейся в СОИКМ им. П.В. Алабина (Смирнов, 1961. Рис. 20, B1); бронзовый наконечник стрелы VI в. до н.э. из «жигулевских курганов» 1934 г. (Смирнов, 1961. С.111. Рис. 12, Г). К этому перечню следует добавить серию железных мечей и кинжалов, найденных с начала 70-х годов на территории Самарского Поволжья у сел Винновка Ставропольского района, Камышлы Клявлинского района, Большой Толкай Похвистневского района, Петровка Борского района (Исмагилов, Скарбовенко, 1977), Красные Дубки, «свх. Серноводский» Сергиевского района, в Студеном овраге на территории города Самары, в Богатовском районе (Мышкин, 1987), на Самарской Луке (точное место находке неизвестно), у с. Челно-Вершины, в г. Самара (116 км), у пос. Новоберезовский (Мышкин, Денисов, Сташенков, 2007), на территории Ставропольского района (не опубликован, хранится в Тольяттинском муниципальном музее). К этому же периоду относятся двухлопастной наконечник стрелы, найденный на дюне у с. Давыдовки Приволжского района (не опубликован, хранится в СамГУ), два наконечника стрел с дюны «Челове-

чья голова» в 5 км к северо-западу от с. Утевки Нефтегорского района (Васильев, 1972), а также глиняный сосуд, выловленный из р. Сок в районе с. Красный Яр одноименного района (хранится в СОИКМ им. П.В. Алабина).

Ряд памятников Самарского Поволжья может быть датирован временем в пределах V – начала IV в. до н.э. либо второй половины V – начала IV в. до н.э. (с возможным сдвигом отдельных комплексов в ту или другую сторону в рамках указанного периода). Это курганы 1, 2, 3, 5 могильника Березки I и курган 2 у пос. Новоберезовского Волжского района, погребения 1 и 2 в кургане 1 могильника Заплавное I Борского района, погребение 20 в кургане 9 Кировского I курганного могильника Красноармейского района. Дата некоторых памятников основывается не только на анализе комплекса вещей. Для одного из курганов (№5) могильника Березки I получена радиоуглеродная дата (материал – фрагменты кости человека). Радиоуглеродный анализ (Le-7199, 2480 ± 100 BP) показал, что калибровочный возраст памятника при 2σ – 810-390 гг. до н.э. и, таким образом, погребение этого кургана не могло быть совершено позднее первого десятилетия IV в. до н.э. При 1σ наиболее вероятное время совершения захоронения – 770-420 гг. до н.э., то есть, не позднее конца V в. до н.э. (Мышкин, 2010. С.228)

Они характеризуются сосуществованием различных черт, одни из которых традиционно рассматривались как элементы савроматской культуры (широтная ориентировка могильных ям и погребенных, акинаки с бабочковидным перекрестьем, каменный алтарь, изображения, выполненные в зверином стиле, некоторые типы массивных наконечников стрел, среди которых встречаются весьма архаичные экземпляры – с листовидной головкой и шипом в основании), другие станут доминирующими в раннесарматской культуре (южная ориентировка погребенных, дромосная конструкция могильных ям, ритуальный сосудик из погребения в кургане 5 могильника Березки I). Таким образом, первоначальное распространение элементов, характерных в будущем для прохоровской (раннесарматской) культуры, в степях Самарского Заволжья происходило в результате продвижения военных групп кочевников.

Исследованные кочевнические курганы могильников Березки I и Новоберезовский харак-

теризует использование сырцового кирпича и пахсы в конструкции погребальных сооружений, появление подкурганных валообразных сооружений и полых наземных конструкций, большая роль огня в обряде захоронения. Эти черты появляются в культуре ранних кочевников Самарского Поволжья вместе с памятниками описываемого типа (Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 2000. С.74-75).

Многие из этих элементов характерны для кочевнических памятников I тыс. до н.э., исследованных в южно-уральских степях. К таковым можно отнести курганы могильников Обручевка (Гаврилюк, Таиров, 1993), Маровый шлях и Солончанка II (Таиров, 2006) в Челябинской области, Биш-Уба I в Башкирии (Агеев, Сунгатов, Вильданов, 1998), Сынтас и Бесоба в Актыбинской области (Кадырбаев, Курманкулов, 1976; Кадырбаев, Курманкулов, 1978; Кадырбаев, 1984), Новый Кумак, к.26 (Смирнов, 1977), Покровка II, к.2 (Моргунова, Трунаева, 1993) и Филипповка (Пшеничнюк, 1989) в Оренбургской области. Такие курганы, по мнению исследователей, возводились с VI в. до н.э. по IV в. до н.э. Рассматриваемой группе памятников Самарского Поволжья наиболее близки по своему облику недавно исследованные курганы 16, 18, 19 могильника Кырык-Оба II, курган 6 Лебедевского II могильника, курган 1 могильника Илекшар I. Эти памятники, открытые в южно-уральских степях, характеризует сооружение глиняных мавзолеев, перекрытых деревянными крышами, возведение глиняных валов, простые и дромосные могильные ямы, захоронения на древнем горизонте, преимущественно южная ориентировка погребенных, наличие алтарей, вещей, украшенных изображениями в зверином стиле. Курганы датированы временем в пределах конца VI – первой половины V в. до н.э. (Гуцалов, 2007; 2009; 2009а.)

В IV в. до н.э. в Самарском Поволжье появились носители прохоровской культуры, оставившие на территории региона такие памятники, как курганный могильник из двух насыпей на возвышенности «Мордовская шишка» у пос. Красные Пески Похвистневского района; курган 10 у пос. Новопавлвка Красноармейского района; впускные погребения: погр.1 в кургане 1 Красносамарского I могильника Кинельского района; погр.2 в кургане 3 могильника Утевка II и погр.2

в кургане 2 могильника Утевка I Нефтегорского района; 6 и 7 в кургане 1 могильника Карабаевка Сергиевского района – всего девять погребений.

Развитая раннесарматская культура III–I вв. до н.э. представлена в Самарском Поволжье тридцатью четырьмя погребениями, выявленными в девяти курганных могильниках: Андреевка II, к.2, п.2 Красноармейского района; Нижнеозерецкое V, к.2, п.1–4 Приволжского района; Утевка IV, к.1, п.1 Нефтегорского района; Бобровка I, к.2, п.9; Гвардейцы I, к.25, п.2, к.26, п.2, к.31, п.1 – 2; Гвардейцы II, к.2, п.3, 4 Борского района; Виловатое I, к.1, п.1, 2, 4, 5, к.4, п.1 – 2, к.17, п.2 Богатовского района; Тамбовка II, к.2, п.6 Большеглушицкого района; Журавлиха I, к.1, п.1 – 4, 6, 7, 9, 11 – 14, 17, 18 Большечерниговского района.

На этом этапе раннесарматской культуры в Самарском Поволжье впервые появляются курганы с большим количеством погребенных под одной насыпью, что, возможно, свидетельствует о более тесной связи населения с определенной территорией и, соответственно, более прочным освоением региона, по сравнению с предшествующим временем.

Погребения этого периода совершены в простых грунтовых и подбойных могилах, для погребенных характерна южная ориентировка. Инвентарь составляют круглодонные и плоскодонные сосуды, железные мечи с серповидным навершием, бронзовые и железные наконечники стрел, колчаные крюки, пряслица, изделия «молоточки» из глины и сланца, предположительно, ритуального назначения, бронзовые зеркала, проволочные серьги-кольца и большое количество бус, поступавших к сарматам через причерноморские торговые центры.

Кроме погребальных комплексов, на территории Самарского Поволжья случайно найдено много предметов раннесарматской культуры. Основную категорию случайных находок составляют железные мечи и кинжалы с серповидными навершиями: меч, найденный в пределах бывшего Самарского уезда и хранящийся ныне в СОИКМ им. П.В. Алабина (Мошкова, 1963. С.16); два кинжала, подобранных в 1907 г. М.А. Миллером на дюне у железнодорожной станции Марычевки Борского района (не опубликованы, хранятся в ГИМе, инв. №44657); меч из окрестностей пос. Красные Пески Похвистневского района (не

опубликован, хранится в поселковой школе); меч без перекрестия из окрестностей деревни Сухая Речка Похвистневского района (хранится в СамГУ); кинжал, найденный у с. Студенцы Кинельского района; кинжал, обнаруженный на территории Приволжского района (Мышкин, 1987. Рис.5, 1, 2); меч из окрестностей с. Алакаевка Кинельского района; кинжал, обнаруженный у с. Рубежное (Мышкин, Скарбовенко, 2000. Табл.26). К случайным находкам раннесарматского времени относятся также бронзовый наконечник стрелы, обнаруженный в 1924 г. В.В. Гольмстен на территории стоянки каменного века в устье Постникова оврага в г. Самаре (хранится в СОИКМ им. П.В. Алабина); бронзовый наконечник стрелы, найденный в 1850 г. у с. Ерзовки Кинель-Черкасского района (хранится в СОИКМ им. П.В. Алабина); два бронзовых наконечника стрел, подобранных В.А. Ивановым на дюне севернее пос. Нур Волжского района (Иванов, 1971); два бронзовых наконечника стрел и колчаный крючок в зооморфном стиле, обнаруженные Г.И. Матвеевой при осмотре дюны у железнодорожного разъезда Немчанки Борского района в 1975 г. (хранятся в СамГУ).

Памятники среднесарматской культуры на территории Самарского Поволжья представлены девятнадцатью погребениями, большинство из которых обнаружено в курганном могильнике Гвардейцы I Борского района (к.1, п.1; к.2, п.1 и 2; к.4, п.2; к.5, п.1; к.7, п.1; к.8, п.1; к.9, п.1; к.27, п.1; к.30, п.1; к.31, п.3; к.32, п.1 и 3). Помимо упомянутого могильника, среднесарматские погребения выявлены в курганных могильниках у хут. Истомина близ железнодорожной станции Безымянка на территории г. Самары, к.3, разрушенное погребение в насыпи; Березняки, к.13 в Кинель-Черкасском районе; Хрящевка, к.2., п.3 в Ставропольском районе; Андреевка, к.9, п.1 и Виловатое I, к.18, п.1 в Богатовском районе; Преполовенка I, к.4, п.3 в Безенчукском районе. Большинство из открытых к настоящему времени среднесарматских памятников концентрируются в долине реки Самары.

Археологически фиксируемые следы погребальной обрядности и культуры ранних кочевников I в. до н.э. – I в. н.э., оставивших эти памятники, свидетельствует о близости племен Самарского Поволжья среднесарматского периода к населению, обитавшему в это же время в

Нижнем Поволжье. Культурная переориентация региона с Южного Приуралья на Нижнее Поволжье, возможно, сопровождалось и сменой самого населения, приходом носителей иной культурной традиции.

Несмотря на малочисленность среднесарматских памятников Самарского Поволжья, в них присутствуют все типичные черты среднесарматской культуры, такие, как взаимовстречаемость различных типов могильных ям, наличие квадратных обширных могил с диагональным положением тел погребенных, наличие импортной (причерноморской и прикубанской) посуды, большое количество привозных бус, мечи и кинжалы с кольцевидными навершиями, мелкие железные трехперые наконечники стрел.

Памятники позднесарматской культуры изучены, в основном, в бассейне р. Самары, причем большинство их сосредоточено собственно в долине реки: курганный могильник Гвардейцы I (к.8, п.4; к.14, п.1; к.26), Виловатое I (к.6, 8, 15, 20, 21, 22), Андреевка (к.3; к.9, п.2; к.13; к.14; к.21), одиночный курган Черновка I (п.1) и курган в окрестностях г. Самары; крупный могильник исследован у пос. Березняки на р. Малый Кинель в бассейне р. Самары. За пределами бассейна Самары в настоящее время известен только один памятник – курганный могильник Осинки I (к.11 и 17) в Безенчукском районе.

Необходимо отметить неудовлетворительную степень изученности истории и культуры кочевников среднесарматского и позднесарматского времени, характеризующуюся преимущественно публикацией полученных при раскопках материалов.

Археологические материалы и реконструкция истории ранних кочевников Самарского Поволжья. Исследование археологических памятников, накопленные материалы, привлечение разновременных письменных источников позволяют реконструировать определенные моменты истории ранних кочевников Самарского Поволжья.

Природная среда. По предварительным данным И.В. Иванова и Т.С. Луковской, динамика экологических условий степи и лесостепи Самарского Поволжья в голоцене отличалась от таковой в степях Восточной Европы. Это объясняется прежде всего наиболее северным их положением среди таких же ландшафтов Вос-

точной Европы (Иванов, Луковская, 2000. С.61). Территория Самарского Поволжья в эпоху раннего железа характеризовалась благоприятными условиями увлажнения – нормальными и более влажными. Для савроматского и раннесарматского времени отмечено понижение годовых температур на 1,0-1,5°C. На рубеже эр в почвенном покрове речных долин получили широкое распространение солонцы и засоленные почвы, отсутствовавшие здесь раньше. В связи с этим продуктивность пастбищ в долинах рек в интервале времени 2–3 тыс. лет назад была более высокой, чем на протяжении двух последних тысячелетий (Иванов, Луковская, 2000. С.64-65). Местонахождение погребальных памятников ранних кочевников (рис.1) в основном совпадает с современными границами степных районов. Это обстоятельство подтверждает сопоставимость современных природно-климатических условий Самарского Заволжья с условиями раннего железного века.

Территория расселения. Основными районами расселения ранних кочевников являлись степи и южная лесостепь в бассейнах рек Волга, Самара, Большой Кинель, Большой Иргиз, Чагра, Чапаевка. Северной границей можно считать реки Самару и Большой Кинель. Не совсем понятным остается характер проникновения культуры ранних кочевников на правобережье Волги, что фиксируется благодаря случайным находкам вещей и исследованию отдельных погребений. Если говорить о лесостепном Заволжье к северу от р. Большой Кинель, то наиболее вероятным представляется хозяйственное использование этой территории. Об этом свидетельствуют обнаруженные здесь ранне- и среднесарматские погребения (Мышкин, 2009; Сташенков, 1999. С.26-27; Мерперт, 1954).

Характер расселения. Вплоть до конца VI в. до н.э. скотоводческие группы, кочевавшие в Самарском Заволжье, были скорее всего многочисленными. Регулярность их появления на этой территории в настоящее время определить трудно. Исследование могильника Березки I и некоторых других памятников показало, что в V-IV вв. до н.э. кочевники уже достаточно стабильно занимали средневолжские степи. Об этом свидетельствует, в частности, растянутый во времени процесс сооружения кургана 5 могильника Березки I. Об этом же может говорить

наличие в бассейне р. Самары еще нескольких могильников с курганами, на поверхности которых фиксируются признаки обожженных погребальных конструкций из минерального материала (Мышкин, Скрбовенко, Хохлов, 2000. С.73-74). О постоянном присутствии ранних кочевников в степях Самарского Поволжья в более поздние периоды их истории свидетельствуют могильники со значительным количеством погребений, такие как Журавлиха I для раннесарматского времени, Гвардейцы I – для среднесарматского, Березняки, Вилотовский I, Андреевский I – для позднесарматского (Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999. С.154).

Характер использования степных районов. Результаты анализа письменных источников, содержащих данные о перекочевках скотоводческого населения заволжских степей в золотоордынское время, а также в XVI – начале XVIII в., позволяют предположительно определить некоторые особенности использования степных и лесостепных районов Самарского Заволжья ранними кочевниками, направление и протяженность их сезонных откочевок из средневожских степей, расположение зимних пастбищ.

По всей видимости, степи и лесостепи Самарского Заволжья являлись органической составной частью системы пастбищных угодий ранних кочевников – здесь располагались их летние пастбища. Сложные климатические условия – низкие температуры, значительная толщина снежного покрова – препятствовали выпасу скота в этих районах зимой, поэтому скотоводы должны были откочевывать на юг. Один из маршрутов, судя по передвижениям монголов и ногаев, мог проходить вдоль левого берега Волги. Зимники же находились в районе волжской дельты. Такой маршрут был наиболее удобен для скотоводческих групп, чьи летние пастбища находились в долине реки Волги, низовьях р. Самары и бассейнах таких волжских притоков как Чапаевка, Чагра, Безенчук. Логичным было бы предположение, что кочевники, летние пастбища которых находились в междуречье Самары и Б.Кинеля, в верховьях Большого Иргиза, имели возможность, продвигаясь по правобережью Урала на юг, зимовать в его низовьях на побережье Каспийского моря (Дубман и др., 2003; Мышкин, 2007).

Физический облик ранних кочевников Самарского Поволжья. В антропологическом отношении кочевники Самарского Поволжья имели сложный состав. Исследовались костные останки, происходящие преимущественно из погребений VI-I вв. до н.э. Их анализ позволил выделить несколько краниологических комплексов в могильниках Березки I, Гвардейцы I, Журавлиха I, Тамбовский II. Один из них – европеоидный тип, умеренно гиперморфный, брахикранный, со слабо профилированным по горизонтали лицом и хорошо выступающим носом (Березки I, к.1, п.2; Гвардейцы I, к.25, п.1, к.31, п.1). В могильнике Гвардейцы I (к.25, п.2) представлен еще один, «уралоидный» антропологический тип – мезоморфный, умеренно долихокранный, с умеренно уплощенным на верхнеглазничном уровне лицом и слабо выступающим носом. Следующий тип – европеоидный, мезоморфный, долихо-мезокранный, с хорошо профилированным лицом (Журавлиха I, 1, п.12, 14, Тамбовский II, к.2, п.5). Выявлен также четвертый тип (Журавлиха I, к.1, п.3, 13) – переходный между охарактеризованным выше и «уралоидным», представленным костяком из погребения 2 кургана 25 могильника Гвардейцы I.

В антропологическом отношении люди, оставившие погребения могильников Журавлиха I и Тамбовского II, расположенных в бассейне р.Большой Иргиз, существенно отличаются от кочевников, чьи захоронения обнаружены в могильниках Березки I и Гвардейцы I в бассейне р.Самары. Люди, хоронившие в Березки I и Гвардейцы I, по физическому облику близки кочевникам савроматского и раннесарматского времени, населявшим степи Южного Урала. Вероятно, фиксируется генетическая преемственность между группами кочевников савроматского времени, с одной стороны, и раннесарматского – с другой. Серия краниологических материалов из раннесарматских погребений могильников Журавлиха I и Тамбовского II, отличаясь определенным своеобразием, более сходна с раннесарматскими сериями Нижнего Поволжья и Дона, нежели Южного Урала. Следует также отметить, что серия раннесарматского времени отличается большей полиморфией по сравнению с серией савроматского времени, что позволяет предположить усиление гетерогенности населения в этот период (Хохлов, 2003. С.83-84).

В результате накопления археологических материалов стало возможным изучение некоторых категорий предметов материальной культуры кочевых скотоводов. Исследовались, в основном, находки савроматского и раннесарматского времени.

На границе степи и лесостепи в Заволжье и Предуралье (главным образом, это бассейн реки Самары на всем ее протяжении и ее притоков) найдено довольно много мечей и кинжалов савроматского и раннепрохоровского времени практически всех типов, выделенных К.Ф. Смирновым (Смирнов, 1961). Обнаружены также образцы, позволяющие выделить новые типы клинкового оружия кочевников. Это акинаки с серповидными (дуговидно изогнутыми) навершиями и сердцевидными, почковидными, а также бабочковидными перекрестиями. Некоторые типы мечей, найденные в бассейне р. Самары, известны только в южно-уральских степях.

Изменения в оформлении клинкового оружия кочевников, кочевавших в бассейне р. Самары в I тыс. до н.э., может быть охарактеризовано следующим образом. Группа наиболее ранних мечей и кинжалов состоит из двенадцати экземпляров. Они датированы временем в пределах конца VII – VI в. до н.э. В большинстве своем (7 экз.) они имеют брусковидное навершие и снабжены перекрестиями почковидной, сердцевидной формы, а также перекрестиями, украшенными изображениями голов грифонов и морфологически близкими к почковидным. В эту же группу можно включить отдельные экземпляры с антенным, простым когтевидным и серповидным навершиями, навершием в виде голов птиц, обращенных друг к другу. Перекрестия этих мечей сердцевидные или почковидные. Следующая группа – шесть акинаков, датированных концом VI – V в. до н.э. или V в. до н.э. Их перекрестия бабочковидные. Четыре экземпляра имеют брусковидное навершие. Единичны когтевидное и серповидное навершия.

Третья, наиболее поздняя группа мечей и кинжалов, датирована временем в пределах V-IV вв. до н.э., либо конца V-IV вв. до н.э. Для них характерны различные по форме навершия: брусковидные, серповидные, антенные, в виде птичьих когтей, соединенных перекладиной, в виде голов грифонов, обращенных друг к другу, и голов животных, развернутых в разные стороны.

У восьми кинжалов этого времени перекрестия бабочковидные (в том числе одно – ложнотрехугольное). Три экземпляра имеют форму бруска, сломанного под тупым углом (Денисов, Мышкин, 2008).

Микроскопический анализ технологии изготовления керамики показал, что навыки производства, существовавшие у кочевников Самарского Заволжья в V-I вв. до н.э., характеризуются значительным разнообразием на протяжении всего этого периода. Вариативность отмечена применительно ко всем исследованным ступеням гончарного производства. Эта неоднородность, выявленная на уровне субстратных и приспособительных навыков труда, указывает на смешанный характер кочевнических обществ. Разнообразие навыков изготовления глиняной посуды существенно увеличилось в раннесарматский период и характерно прежде всего для III-I вв. до н.э. Зафиксированы связи в технологии производства посуды кочевниками, жившими в разное время. Этот факт можно рассматривать как свидетельство генетической связи между определенными группами в кочевнических сообществах середины-второй половины I тыс. до н.э., так как в первобытную эпоху передача технологической информации была возможна только при прямом, непосредственном контакте гончаров, основанном, прежде всего, на кровнородственных связях (Иванова, Мышкин, 2004).

Культурные влияния и миграции. Часть материалов савроматского времени указывает на существование связей скотоводов, кочевавших в Самарском Поволжье, с населением Северного Причерноморья. Это зеркала «ольвийского» типа, обнаруженные в погр. 2 кургана 2 Андреевского могильника и в кургане у с. Спасское. Подобные зеркала получили название «ольвийских» в связи с тем, что наибольшее их число обнаружено в некрополе древнегреческого г. Ольвия (Кузнецова, 1990. С.110). По наиболее распространенной версии, они производились в мастерских именно этого города (Скржинская, 1984. С.119, 123). Влияние скифской культурной среды Северного Причерноморья на кочевников Заволжья отражает нашивная бляшка с изображением горного козла, найденная в погр. 2 кургана 2 Андреевского могильника. Скифское происхождение имеет и форма трехдырчатого

костяного псалия VI в. до н. э. из кургана у с. Рысайкино, один конец которого оформлен в виде головы барано-грифона, другой – в виде копыта лошади (Смирнов, 1961. С.81). В данном случае однозначно решить вопрос в пользу прямого импорта в противовес культурному заимствованию сложно ввиду доступности и простоты как самого материала, так и технических приемов изготовления этого предмета. Наличие в погребениях ранних кочевников Самарского Поволжья VI в. до н. э. предметов западного, северо-причерноморского происхождения вполне согласуются со сведениями, изложенными Геродотом в IV книге его «Истории». Описывая земли и народы, находящиеся к востоку от Скифии, вплоть до подножия высоких гор и мест обитания исседонов, Геродот прямо ссылается на то, что источником информации для него послужили рассказы побывавших в этих землях скифов и эллинов из Борисфенитской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов (Геродот, IV. 17-27). Факт посещения скифами и эллинами далеких восточных земель, зафиксированный в письменном источнике, со времени выхода в свет статьи Б.Н.Гракова стал трактоваться как свидетельство наличия древнего торгового пути из Скифии в сторону Уральских гор (Граков, 1947. С.23-37; Членова, 1983). Если согласиться с трактовкой Б.Н.Граковым сообщения, содержащегося в IV книге «Истории» Геродота, то следует признать, что ранние кочевники Самарского Поволжья в VI в. до н.э. жили достаточно близко от этого пути и поэтому могли пользоваться его плодами.

Многие материалы VI-V вв. до н.э. указывают на связи кочевников Самарского Заволжья с населением степей Южного Приуралья и других, более восточных регионов Евразии. К числу таких вещей можно отнести каменные блюда-алтари, сосуд из кургана 9 Новопавловского могильника, особенности оформления многих акинаков: навершия в виде головок хищных птиц, повернутых клювами друг к другу, наличие специальной колодочки в основании зооморфных наверший, зооморфное оформление перекрестий, узкие бабочковидные перекрестья с приподнятыми вверх концами крыльев, прорезные рукояти (Исмагилов, Скарбовенко, 1977. С.77 – 91; Мышкин, Денисов, Сташенков, 2007. С.41).

Отмечавшееся ранее сходство элементов погребальной обрядности и облика вещей, характеризующих могильники Березки I и Новоберезовский, с соответствующими сферами культуры южно-уральских кочевников позволяет говорить о миграции группы кочевников в Самарское Заволжье с востока. Возможно, это продвижение являлось частью достаточно масштабной акции, так как на водоразделе рек Самары и Чапаевки в настоящее время выявлено не менее четырех курганных могильников, в которых фиксируются признаки наличия обожженных погребальных конструкций из минерального материала. Не исключено, что эти кочевники продвинулись далее в сторону Дона, где в IV в. до н. э., по свидетельствам античных авторов, появляется новый этноним «сарматы» или «сирматы». Для людей, погребенных в курганах могильника Березки I, характерно единство краниологического типа и остеометрических характеристик. Это свидетельствует о возможной принадлежности умерших к одной популяции. Шесть из семи погребенных были мужчинами с чрезвычайно развитой мускулатурой, что говорит о деятельности, связанной со значительными физическими нагрузками. Если учесть характер погребального инвентаря, а это, главным образом, вооружение, то вполне очевидной становится принадлежность умерших к структуре, специализировавшейся на военном деле.

В IV в. до н.э. в южном Средневожье появляются памятники, характеризующиеся такими элементами культуры, как каменные обкладки насыпей и внутрикурганные конструкции (мог. Красные Пески), характерная круглодонная керамика со значительной примесью талька в глине (мог-ки Новопавловский и Утевский II), каменное плоское блюдо без ножек (мог. Красносамарский I), кинжал с дуговидно изогнутым перекрестием и прямым навершием (мог. Карабаевка I). Появление этих памятников на территории Самарского Поволжья свидетельствует о том, что путь на запад, проложенный южно-уральскими кочевниками ранее, не утратил своей актуальности и позднее, в IV в. до н.э.

Безусловно, для более полного исследования истории населения степей Самарского Поволжья в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. необходимо дальнейшее накопление археологических материалов.

Источники и литература

Геродот. История. М., 2002.

Агеев Б.Б., Сунгатов Ф.А., Вильданов А.А. Могильник Биш-Уба I // Уфимский археологический вестник. Вып. I. Уфа, 1998.

Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г. I курганная группа у с. Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Васильев И.Б. Отчет 2-го отряда Средневожской археологической экспедиции о раскопках курганов в Куйбышевской области. Куйбышев, 1972 // Архив ИА РАН, Р-1, №4765.

Васильев И.Б. Отчет о раскопках II отряда Средневожской археологической экспедиции в 1973 году. Куйбышев // Архив ИА РАН, Р-1, №5083.

Васильев И.Б. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев, 1975.

Васильев И.Б., Скарбовенко В.А. Позднесарматские погребения могильника у с. Андреевка в Заволжье // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Вып. I. Самара, 1925.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. Т. IV. М., 1928.

Граков Б.Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжжям та Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія. Т. I. Київ, 1947.

Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. №2. 2007.

Гуцалов С.Ю. Погребения скифской эпохи могильников Лебедевка II-III // Нижневожский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград, 2009.

Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) // РА. №3. 2009а.

Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клиновое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII- IV вв. до н.э. // Нижневожский археологический вестник. Вып. 9. Волгоград, 2008.

Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., Матвеев В.И., Соловьева В.В. Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами в VI-I вв. до н.э. (опыт реконструкции по данным письменных источников о хозяйстве кочевников XIII-XIV вв. и XVI – первой половины XVIII в.) // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара, 2003.

Иванов В.А. Отчет о разведках в Волжском районе Куйбышевской области в 1971 году. Куйбышев, 1971 // Архив ИА РАН, Р-1.

Иванов И.В., Луковская Т.С. Изменение экологических условий Самарской области в голоцене // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конфе-

ренции “Проблемы сарматской археологии и истории”. Вып. I. Самара, 2000.

Иванова Н.В., Мышкин В.Н. К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V-I вв. до н.э. // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968.

Ильинская В.А., Тереножкин А.А. Скифия VII – IV вв. до н.э. Киев, 1983.

Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р.Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р.Илека // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. Вып. 154. М., 1978.

Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А. Курганный могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002.

Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н. Исследование могильника Журавлиха I // Нижневожский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Кузнецова Т.М. Торговые или священные пути греков? // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

Матвеева Г.И. Курганы железного века в Куйбышевской области (по материалам САЭ 1970 г., проведенной в Борском районе) // Поволжский край. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1972.

Матвеева Г.И. Погребение савроматского времени у с. Андреевка в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976.

Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. №42. М., 1954.

Мирошина Т.В., Пятых Г.Г. Сарматские погребения могильника Осинки I // КСИА. Вып. 194. М., 1988.

Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1992 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. Свод археологических источников. Вып. Д 1-10. М., 1963.

Мышкин В.Н. Находки савроматского и сарматского оружия в Куйбышевской области и Западном Оренбуржье // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Мышкин В.Н. Сарматские погребения Виловатовского курганного могильника в Куйбышевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992.

- Мышкин В.Н.** К проблеме реконструкции системы сезонных перекочевок кочевников Волго-Уральского междуречья в VI–I вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург, 2007.
- Мышкин В.Н.** Раннесарматские погребения курганного могильника Карабаевка I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград, 2009.
- Мышкин В.Н.** Радиоуглеродные даты погребений ранних кочевников Самарского Заволжья // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа, 2010.
- Мышкин В.Н., Денисов А.В., Сташенков Д.А.** Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье // Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Вып. 3. Самара, 2007.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.** Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974–1987 гг.) // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.** Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А.** Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург, 1999.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А.** Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара, 2000.
- Придик Е.** Мельгуновский клад 1763 года // МАР. №31. СПб., 1911.
- Пшеничнюк А.Х.** Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа, 1989.
- Скарбовенко В.А.** Отчет о раскопках в Красноармейском и Похвистневском районах Куйбышевской области. Куйбышев, 1975 // Архив ИА РАН, Р 1, №5854.
- Скарбовенко В.А.** Сарматские погребения у с. Утевка // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976.
- Скарбовенко В.А.** Отчет об охранно-спасательных раскопках курганного могильника Бобровка I в Кинельском районе Самарской области в 2000 году. Самара, 2000 // Архив ИА РАН, Р-1, №24409.
- Скарбовенко В.А.** Отчет о раскопках курганного могильника Заплавное I в Борском районе Самарской области в 2002 году. Самара, 2002 // Архив ИА РАН, Р-1.
- Скарбовенко В.А.** Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.
- Скржинская М.В.** Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов // МИА. №101. М., 1961.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Смирнов К.Ф.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.** Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // Свод археологических источников. Вып. Д 1-9. М., 1963.
- Сташенков Д.А.** Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара, 1999.
- Таиров А.Д.** Саки Приаралья в степях Южного Зауралья // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.
- Хохлов А.А.** Краниологические особенности ранних кочевников VI–I веков до н.э. Самарского Заволжья и Южного Приуралья // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара, 2003.
- Членова Н.Л.** Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. №1. 1983.